

ИЗОМОРФНОСТЬ

A detailed illustration of a monstrous creature composed of a dense mass of small, pale, segmented worms. The creature has four distinct heads, each with a large, dark, metallic-looking eye. The worms are coiled and intertwined, creating a complex, organic texture. The creature is positioned in the center, with its body sprawling outwards. The background is a dark, atmospheric scene of a ruined industrial city with skeletal remains of buildings and hanging webs. The overall color palette is dominated by browns, greys, and muted reds, contributing to a grim and horror-themed aesthetic.

DR. NIHIL

18+

Dr. Nihil

Изоморфность

<https://litres.ru/74671289>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судебный психиатр и подследственный участвуют в интеллектуальной дуэли, в которой, оказывается, не находится правых и виноватых...

Dr. Nihil

Изоморфность

Расследование по делу 2-411/2026 близилось к концу. Подсудимый, как гласили сухие протоколы следствия, совершил убийство коллеги в результате ссоры с последующей дракой. Банальная бытовуха, не требующая больших усилий, только, как и любое другое преступление, тянущее мешок разномастных бумаг и россыпь разных мелких и крупных телодвижений, скрытых под туманным термином "следственных действий". Дело было раскрыто, по сути, на месте, и квалифицировалось как убийство по неосторожности. Не требовалось больших талантов, чтобы передать дело в суд и "упаковать" свеженького клиента правоохранительной системы в надлежащее учреждение ФСИН на годик-другой. Остались лишь формальности, одна из которых - судебно-психиатрическая экспертиза, по предписанию следователя. В общем, рутина.

Зарешеченное окно кабинета судебно-психиатрической экспертизы выходило на серый питерский двор-колодец, где мелкая осенняя изморось покрывала асфальт, похожий на мокрую, сочащуюся шкуру. В комнате пахло старой бумагой, хлоркой и недорогим "три-в-одном" растворимым кофе.

За увесистым, покрытым стеклянной столешницей, столом восседал доктор медицинских наук, профессор Велехов

— лет пятидесяти, с усталыми карими глазами и в безупречно белом халате. Напротив него, на прикрученном к полу стулу, сидел подследственный, человек средних лет, с седой редкой бородкой и серыми, внимательными глазами. Они беседовали уже около пятнадцати минут. Анкетная тягомотина - ФИО, год рождения, какое сегодня число и как звали бабушку - много времени не заняла. "Клиент" не спешил и кратко, исчерпывающе отвечал на вопросы врача.

Ну, пока всё в порядке, подумал доктор. Господинчик (так доктор часто про себя называл посетителей) вполне выдержан, корректен, опрятен. Так, 42 года, инженер чего-то там по электротехнической части, холост, без детей, ранее не судим, с работы умеренно положительные характеристики. Никакой истории болезни со стороны неврологии-психиатрии-наркологии.

Что ж, пойдем-ка дальше. Велехов перелистнул страницу уголовного дела, вчитываясь в протоколы допросов, и аккуратно поправил очки.

— Итак, давайте вернемся к самому моменту происшествия. Из ваших показаний следует, что конфликт на рабочем месте был застарелым. Но в тот день новая ссора возникла из-за того, что ваш коллега чуть не толкнул вас дверь. Вы утверждаете: «слово за слово, перепалка, потом сцепились, потом он головой ударился». Так?

— Точно так, тукнулся — спокойно ответил подследственный, не шелохнувшись. - А как это вы его так резуль-

тативно приложили? Он вроде не сам себя уколошил, не падал?

- Доктор, я такие детали не готов раскрыть. Не потому что обеляю себя или еще чего, а просто не помню, что там было. Бились же насмерть. Он мне тогда чуть глаз не выбил. Увольте уж от подробностей. Всё, что я мог сказать, следователь уже знает.

— Хорошо, — Велехов сделал пометку в карте. — Но следователя, да и меня как эксперта, больше интересует то, что произошло сразу после. Вы увидели, что человек упал, ударился головой о бетонный пол и затих. Опишите точнее, что вы почувствовали в эту секунду?

Подследственный равнодушно пожал плечами:

— Да ничего, наверное. Испуг, ярость, злость. Увидел когда, что он затих, подумал: ну вот и вырубился, так тебе и надо, гадина. Это уже потом, когда понял, что он уже не дышит, нехорошо стало. Всё-таки труп, а я, значит, по закону убийца.

— И тем не менее, — профессор внимательно посмотрел на него поверх очков. — Сразу после этого, уже зная, что ваш оппонент мертв или как минимум, тяжело ранен и вне сознания, вы подошли к нему и вслух назвали его «опарышем». Зачем? Это была месть такая?

— Какая месть? — подследственный впервые за время беседы искренне удивился. — Следователь тоже решил, что я его оскорбил, глумился. Но это была просто констатация. Я,

видите ли, всех людей за опарышей держу. ОММ то есть — опарыши мясной мухи. В метафизическом, не в натуральном смысле. Для меня это одно и то же примерно.

Велехов едва заметно улыбнулся. Вот, еще один господинчик симулирует на месте психическое расстройство, «мостырит» себе послабление, смягчающее обстоятельство. Конечно, дурка тоже не сахар, но и не лагерь на общем режиме, со злыми зэками и работой свежем воздухе, на морозе под минус пятьдесят. Сейчас пойдем по известному расписанию: бредовая инкапсуляция, рационализации, голоса в голове, ажитация. Клиническая беседа плавно сворачивала в сторону симуляций «философской интоксикации» и способов их разоблачения — излюбленной темы его диссертаций.

Профессор откинулся на спинку стула, принимая более расслабленную, располагающую к дискуссии позу.

— И как давно вы пришли к этому убеждению? Это был какой-то кризис, озарение? Как вам с этим живется?

— Много читал, думал, — неопределенно протянул подследственный. — В какой-то момент мысль удачная пришла, что вот опарыш — это оно, наилучшая модель. Я это не рассказываю обычно, зачем людей беспокоить? Но жить и действовать после этого стало легче. Людей проще объяснить, исходя из этой апологии. Опарыши они и есть. Вы мне сейчас что, расчеловечивание будете лепить? Так я себя от них не отделяю. Просто это онтологически даже не слитное, а изоморфное. А что по поводу этого покойного господина — мне

его не жалко не потому, что он опарыш, как все мы, а потому что сам по себе был гнидой. Жалко, что он мне столько беды доставил своей смертью. Если бы он в тот же день без меня подох, я бы не чихнул даже. Мразь редкая.

Профессор Велехов слушал, и его профессиональный азарт потихоньку расшевеливался все сильнее. А парень, кажется, подготовил интересную находку. Это не импровизация, по крайней мере, не «с листа». Симуляция под инкапсулированный бред, значит. Ну-ка, пощупаем еще клиента. Слава господу, интересный фрукт попался сегодня на разбор.

— Вы говорите об изоморфности, — произнес Велехов, подпирая подбородок рукой. — Видно, вы и впрямь подготовили свою историю. Но скажите, а вам не кажется, что после всех этих ваших философских вывертов с опарышами у вас просто улетучилась эмпатия? Обычная человеческая способность сопереживать чужой боли? Может, вы просто выгорели и оседлали первую попавшуюся шальную мысль? Отчего опарыши, а не, скажем, опоссумы?

Подследственный сухогато усмехнулся, одними уголками губ.

— А что такое, по-вашему, эмпатия, доктор? Вы ведь психиатр, давайте разложим её на составляющие. Эмпатия — это просто некий зеркальный нейронный механизм. Эволюционная утилит, созданная для того, чтобы стадное животное могло предугадывать поведение соседа по стае. Сигна-

лизация: «ему больно — значит, рядом хищник, мне тоже надо бежать». Или: «ему сыто — значит, надо пристроиться рядом». Вы романтизируете этот механизм, называете его высшим гуманизмом. А на деле это просто химия. Инструмент синхронизации внутри кучи.

— Это не просто химия, это клей, который держит общество, — Велехов слегка повысил голос, вступая в настоящую полемику. — Без эмпатии мы превращаемся в изолированных хищников. Она не улетучилась сама по себе, вы сами задушили её своей концепцией, чтобы оправдать равнодушие к тому, что вы натворили.

— Я ничего не душил, — спокойно парировал подследственный. — Я просто перерос эту древнюю утилиту. Зачем мне зеркалить чужие импульсы, если я вижу картину целиком? Опарыш не сопереживает другому опарышу, когда тот засыхает на краю помойки. Он только по-своему оценивает, что привело к такому исходу, и просто ползет мимо, выжирать свой ресурс. Вы, я, прочие делаем то же самое. Взять, например, сочувствие. Мы в доме покойника сочувствуем прилюдно, утираем платочком слезки, а меж тем пробуем на вкус ситуацию, приноравливаем к себе. О, эти разговоры и шушуканья у гроба покойного! В основе их лежит не какая-то там волшебная способность сопереживать чужое горе, а мелкое инстинктивное и примитивно-хитрое любопытство: что, где, как случилось с человеком, что он стал трупом? А вот взять даже моего провожатого, — подследствен-

ный кивнул на своего конвойного — молодого, широколицего парня в форме, залившего в экран своего смартфона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.